

УДК 341.36:93/94

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-8

Значение Второй Гаагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны

Б. В. Николаев¹, Н. А. Павлова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Отечественная дипломатия и международно-правовая наука сыграли ведущую роль в формировании права вооруженных конфликтов. Именно Россия стала вдохновителем наиболее масштабных проектов в области международного права до начала эпохи мировых войн: созыва двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. Тем не менее такая значимая страница российского лидерства в развитии международного права получает недостаточное внимание со стороны отечественных и зарубежных исследователей, последние, однако активно исследуют роль США, Великобритании, Франции и других стран в развитии международного гуманитарного права. В этой связи исследование содержания и итогов работы Второй конференции мира в рассматриваемой сфере и ее исторического значения представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте выработки правил ведения вооруженных конфликтов, значение принятых документов и итогов конференции для прогрессивного развития международного права. *Материалы и методы.* Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел Российской империи, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров (Гаагские конвенции и декларации 1907 г.), научной литературы. *Результаты.* В работе проанализированы содержание форума 1907 г. по систематизации правил ведения войны, роль российской делегации в достижении поставленных целей, значение ее работы для прогрессивного развития международного гуманитарного права. *Выводы.* Исследование предпосылок по созыву конференции, а также содержания работы и исторического значения Гаагского форума позволяет сделать вывод об особой роли российской дипломатии и российского государства в целом в кодификации законов и обычаев ведения войны и прогрессивного развития международного гуманитарного права.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, международное право, право вооруженных конфликтов, российская дипломатия, законы и обычаи ведения войны

Для цитирования: Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гаагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 100–109. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-8

The significance of the Second Hague Peace Conference in terms of the codification of laws and customs of warfare

B.V. Nikolaev¹, N.A. Pavlova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Abstract. *Background.* Domestic diplomacy and international legal science played a leading role in the formation of international humanitarian law. Russia initiated major projects in the field of international law before the world wars: two Hague Peace Conferences were held in 1899 and 1907. However, such a significant page of Russian history in the development of international law received insufficient attention from domestic and foreign researchers, the latter actively study the role of the United States, Great Britain, France and other countries in the development of international humanitarian law. In this regard, the study of the content and results of the Second Peace Conference and its historical significance seems relevant and scientifically significant. The work aims to determine the main directions and achievements of the Hague Peace Conference of 1907 in terms of developing rules for waging armed conflicts, determining the importance of the adopted documents and the results of the conference for the development of international law. *Materials and methods.* The objectives are achieved by analyzing the official materials of the Hague Peace Conference of 1907, official acts of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, assessments of the conference's achievements given by its participants, international treaties (the Hague Conventions and Declarations of 1907), and scientific literature. *Results.* The work analyzes the content of the work of the Second Hague Peace Conference on the codification of the laws and customs of warfare, the role of the Russian delegation in achieving the goals, and the significance of its work for the dynamic development of international humanitarian law. *Conclusions.* The study of the prerequisites for holding the conference, the content of the work, and historical significance of the Hague Forum allows us to conclude that Russian diplomacy and the Russian state played a special role in terms of codifying the laws and customs of warfare and dynamic development of international humanitarian law.

Keywords: Hague Peace Conference, international law, law of armed conflict, Russian diplomacy, laws and customs of warfare

For citation: Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The significance of the Second Hague Peace Conference in terms of the codification of laws and customs of warfare. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):100–109. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-8

Введение

Отечественная дипломатия и международно-правовая наука сыграли ведущую роль в формировании международного гуманитарного права. Российская делегация не только участвовала во всех мировых форумах, посвященных кодификации права вооруженных конфликтов, но и занимала лидирующие позиции в последовательном отстаивании принципа гуманизации

войны. По инициативе нашей страны в Санкт-Петербурге в 1868 г. была принята Декларация о запрещении употребления взрывчатых и зажигательных пуль и снарядов. Наконец, именно Россия стала инициатором наиболее масштабных проектов в области международного права до начала эпохи мировых войн: созыва двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. Тем не менее столь значимая страница российского лидерства в развитии международного права получает недостаточно внимания со стороны отечественных и зарубежных исследователей, последние, в свою очередь, активно исследуют роль США, Великобритании, Франции и других стран в развитии международного гуманитарного права. В этой связи исследование содержания и итогов работы Второй конференции мира в рассматриваемой сфере и ее историческое значение представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте выработки правил ведения вооруженных конфликтов, значение принятых документов и итогов конференции для прогрессивного развития международного права.

Материалы и методы

Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел Российской империи, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров (Гаагских конвенций и деклараций 1907 г.), научной литературы.

Результаты

Несмотря на часто упоминаемое первенство Соединенных Штатов в деле регламентации правил ведения войны, связываемое с принятием знаменитого Кодекса Либера («Инструкции полевым войскам Соединенных Штатов», составленные советником президента США Авраама Линкольна профессором Колумбийского университета и опубликованные в 1863 г.) [1, с. 141], именно активная лидирующая роль России способствовала становлению и развитию международного гуманитарного права в целом и института правил ведения войны в частности. Именно Россия инициировала конференцию в Санкт-Петербурге в 1868 г., которая впервые установила запрет применения конкретного новейшего вида вооружения как бессмысленно жестокого: зажигательных и взрывчатых мин и снарядов весом менее четырехсот грамм. Наша страна стала одним из наиболее активных участников Брюссельской конференции 1878 г., на которой обсуждались вопросы систематизации правил ведения войны, что стало основой для последующей кодификации в данной сфере.

Россия придавала вопросам систематизации правил ведения войны особое значение, отметив в циркуляре 1906 г. в качестве значимой задачи предстоящего форума следующую: «дополнить и придать решениям Первой

Конференции большую определенность, либо устранить всякие недоразумения» [2, с. 2]. Визитной карточкой Второго Гаагского форума стала масштабная (преамбула, четыре собственно конвенционных статьи и 56 статей Положения о законах и обычаях сухопутной войны) IV Гаагская конвенция¹. Преамбула Конвенции включила «оговорку Мартенса»: «в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [3]. Несмотря на то что изначально предложение Ф. Ф. Мартенса было направлено на создание правовой основы для признания законными действий партизанских отрядов на оккупированной в ходе военных действий территории, ее значение достаточно быстро вышло за такие узкие рамки и в настоящее время является одним из наиболее общепризнанных в системе международного гуманитарного права [4, с. 160].

Нормы Положения в целом воспроизводили положения конвенции 1899 г. с некоторыми изменениями относительно обязательности открытого ношения оружия населением незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие (ст. 2), положения военнопленных (ст. 4–20). Введен запрет на «принуждение подданных противной стороны принимать участие в боевых действиях даже в том случае, если они были на службе воюющего государства до начала войны» (ст. 23), а также «принуждать население занятой области давать сведения об армии другого воюющего или о его средствах обороны» (ст. 44).

По предложению греческой делегации, исторические памятники были включены в список строений, подлежащих защите (ст. 56). Была пересмотрена и ст. 54, в соответствии с которой «подводные кабели, соединяющие занятую территорию с территорией нейтральной, захватываются и уничтожаются лишь в случаях крайней необходимости, они должны быть возвращены, а возмещение убытков производится по заключении мира». Положение 1907 г. подтвердило принцип, согласно которому «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю» (ст. 22).

По-разному сложились судьбы французского и германского проектов по вопросу о нейтралитете. Второй встретил упорное сопротивление со стороны британской делегации, поддержанное всеми странами-участницами за исключением представителя США. Таким образом, германский проект в целом был отклонен, хотя в конвенцию были включены три отредактированные статьи, инициированные германской стороной.

В итоге именно проект Франции был положен в основу новой конвенции, регулирующей институт нейтралитета [5, р. 173–175], остающейся

¹ Конвенция о законах и обычаях ведения войны. 5 (18) октября 1907 г. // Действующее международное право. М., 1997. С. 575–587.

действующим источником современного международного права¹. Конвенция гарантировала неприкосновенность нейтральной территории и право нейтрального государства на ее защиту; устанавливала запрет на транзит войск и военных грузов через нейтральную территорию (что являлось отголоском событий Русско-японской войны и еще одной дипломатической и международно-правовой победой России по осуждению практики Японии по использованию в этих целях территории суверенного Китая); определяла условия использования средств связи, функционирования вербовочных пунктов на нейтральной территории; устанавливала границы ответственности нейтральной державы за действия частных лиц; регулировала вопросы интернирования военнослужащих, нарушивших государственную границу, и их правового статуса.

На рубеже двух столетий отсутствовала достаточная определенность в вопросе о правомерности предварительно необъявленной войны [6, р. 207–210]. Но для России данный вопрос был принципиальным вследствие вероломного начала войны 1904–1905 гг. со стороны Японии. При всеобщей поддержке Россия добилась принятия новой конвенции², осуждающей подобную практику, и даже японская делегация не посмела выступить против такого единодушия стран-участниц.

Конференция по предложению представителя Бельгии Бернаерта (при поддержке российской и австро-венгерской делегаций) пролонгировала действие Декларации 1899 г. о запрете использования воздушных шаров для метания бомб, а также запрета на использование в военных целях удушающих или вредоносных газов, пуль, разворачивающихся или сплюсчивающихся в теле человека³. Дискуссионным стал вопрос о признании возможности активных боевых действий в воздухе, поскольку на тот момент воздушные аппараты в основном использовались для целей разведки и других вспомогательных задач. По мнению делегата от Франции, при отсутствии значимых отличий воздушной бомбардировки и традиционного артиллерийского воздействия полный запрет на воздушное бомбометание представляется бессмысленным, в особенности в условиях явного ускоренного совершенствования летной техники. В ответ глава британской делегации лорд Рей эмоционально спрашивал делегатов: «Разве не достаточно иметь две стихии, в которых государства могут дать простор своей злобе, и решать свои споры без использования третьей стихии». Явное большинство представителей поддержало сохранение ограничения на военные действия в воздухе [5, р. 173–185].

Не меньшее значение имеют и достижения третьей и четвертой комиссий конференции, результатом деятельности которых стало принятие большинства (7 из 13) конвенций, принятых в результате деятельности Гаагского форума.

¹ Гаагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 151–165.

² Гаагская конвенция об открытии военных действий 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 103–107.

³ Декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 298–301.

Третья комиссия должна была исследовать вопросы ограничения морского бомбардирования, ограничения применения минного оружия в морских военных действиях, определить международно-правовой статус судов в нейтральных портах или водах, рассмотреть возможность применения по аналогии положений Женевской конвенции 1864 г. в редакции 1906 г. [7, с. 2–6].

Четвертой комиссии предназначалось проработать вопросы законности трансформации торговых судов в военные с точки зрения правил добросовестного ведения вооруженного конфликта, определить международно-правовые гарантии непричастности частной собственности в контексте морской войны, решить вопрос об индульте, определив льготный срок для торговых судов неприятеля, возможный для беспрепятственного оставления вод враждебной стороны, разрешить спорные вопросы в отношении военной контрабанды и института блокады, правомерности и оснований уничтожения нейтральных призов в морской войне, а также решить вопрос о применимости тех или иных положений и начал сухопутной войны (гораздо более проработанных и систематизированных) к войне на море [7, с. 2–6].

Результаты деятельности Второй Гаагской конференции в этой области представляются противоречивыми. С одной стороны, амбициозная цель по созданию Кодекса ведения морской войны, заявлявшаяся рядом государств и представителей, так и не была реализована. По многим вопросам регламентации правил морских вооруженных действий возникали острые дискуссии представителей «морских» и «континентальных» держав, больших и малых, видящих себя скорее участником будущих вооруженных конфликтов или примеривающих заранее нейтральный статус. Вся эта чересполосица, а порой и сумятица интересов, предположений, подозрений потенциальных противников, предубеждений не могла не повлиять на ход обсуждений, проходивших в третьей и четвертой комиссиях.

Тем не менее недостижение данной заявленной цели, возможно, цели-максимум, не должно приводить к неизбежному выводу об однозначной неудаче Гаагской конференции 1907 г. в деле кодификации законов ведения морской войны.

Действительно, работа третьей и четвертой комиссий была достаточно насыщенной и эффективной. В результате был принят ряд конвенций. Ставшая в итоговом документе шестой Конвенция запрещала конфискацию торговых частных судов и предусматривала обязательное возвращение задержанных в военных целях судов их законным владельцам¹.

VII Гаагская конвенция устанавливала четкие и определенные правила преобразования торговых судов в военные, что обеспечивало возможность воюющим государствам правомерно наращивать, и притом существенно, свой военно-морской потенциал в условиях начавшегося вооруженного

¹ VI Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 166–175.

конфликта, но, с другой стороны, твердо препятствовало пиратству и другим незаконным практикам поведения в условиях морской войны¹.

VIII Конвенция, развивавшая соответствующую британскую инициативу относительно правовых ограничений подводных мин (автоматически взрывающихся при контакте с судном или другим объектом)², стала ярким проявлением прямого столкновения интересов «морских» держав, стремившихся к ограничению этого смертоносного для них оборонительного средства, и «континентальных» государств, твердо заявивших о своем праве сохранять свободу выбора средств и методов защиты своей береговой линии. В связи с этим британское предложение, даже ограниченное семилетним периодом, было отвергнуто и Германией, и Россией.

Конвенции IX–XI регулировали правила проведения морских бомбардировок³, положение жертв войны на море, в том числе потерпевших кораблекрушение⁴, статус невоенных судов враждебного государства⁵.

XII Конвенция учреждала международную призовую палату, однако, единственная из всех конвенций, не получила ратификацию и не вступила в действие, потому и международной призовой палате не суждено было приступить к работе⁶.

Наконец, XIII Конвенция стала результатом трехмесячной напряженной дискуссии в связи с российской инициативой, связанной с неприятными для нас событиями Русско-японской войны [8, с. 38–40]. В результате все же были закреплены некоторые гарантии для судов воюющих стран в нейтральных портах⁷.

Кроме того, в Заключительный акт Гаагского форума были включены некоторые пожелания, в том числе и прежде всего в отношении правил ведения войны (три из четырех пожеланий, вошедших в итоговый документ). Второе пожелание состояло в том, чтобы в случае войны компетентные гражданские и военные власти проявили особую заботу для сохранения нормальных отношений, прежде всего торговых и промышленных, между гражданами и юридическими лицами воюющей и нейтральных держав. Третье призывало определить и закрепить в специальной конвенции положение проживающих на территории воюющих государств иностранцев с точки зрения воинских повинностей. Наконец, четвертое пожелание предусматривало

¹ VII Конвенция об обращении торговых судов в военные 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1908. С. 176–183.

² VIII Конвенция об установлении подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 184–195.

³ IX Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 196–207.

⁴ X Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 208–227.

⁵ XI Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 228–247.

⁶ XII Конвенция об учреждении Международной призовой палаты 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1908. С. 248–275.

⁷ XIII Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 276–297.

включение в программу предполагаемой Третьей Гаагской конференции разработку единой конвенции применительно к правилам ведения войны на море, в том числе по аналогии с сухопутными военными действиями.

Добросовестное и ответственное отношение нашей страны к своим международным обязательствам проявилось в принятии Наказа русской армии о законах и обычаях ведении войны: «1. Войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тягчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины Русской армии. 2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)» [9, с. 77].

Заключение

Гаагское движение, вдохновительницей которого являлась Россия, оказало значимое, во многом недооцененное влияние на последующее развитие системы международных отношений и международное право. Несмотря на то что Первая мировая война прервала поступательное развитие Гаагского движения, послевоенные события, прежде всего создание Лиги Наций, подтвердили значимость, даже безальтернативность, основного направления развития межгосударственных отношений в сторону сотрудничества, ограничения военного насилия, разработки способов для мирного урегулирования споров между государствами, прогрессивного развития и кодификации международного права. Западная историческая наука и публицистика стремится подчеркнуть минимальное значение России в становлении миропорядка, по крайней мере на данном этапе, «забывая» первостепенную роль нашей страны в организации Гаагских конференций мира, которые стали прообразом будущей глобальной международной организации уже не на периодической, а на постоянной основе. Систематизация правил ведения сухопутной, морской и даже отчасти воздушной войны стала одним из важнейших достижений Гаагского форума. В самом начале двадцатого столетия делегаты смогли согласовать конвенции, которые не только продолжают действовать и в современности, но и получили признание в качестве норм *ergo omnes*, стали общепризнанными обычаями ведения войны, независимо от их признания каким-либо государством. Особо следует отметить личный вклад выдающегося российского юриста-международника Федора Федоровича Мартенса в обеспечение прогресса конференции в этой области.

Список литературы

1. Ледях И. А. Обязательства соблюдения норм международного гуманитарного права в защиту жертв войны // Труды института государства и права Российской академии наук. 2017. № 1. С. 141–158.
2. Вторая конференция мира 1907 г. / Министерство иностранных дел. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. 372 с.
3. Тайхерст Р. Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 15. С. 149–154.
4. Кукушкина А. В., Йорыш А. И., Шишкин В. Н. Международное гуманитарное право и оговорка Мартенса // Закон и право. 2019. № 9. С. 159–163.
5. The proceedings of the Hague Peace Conferences; translation of the official texts. The Conference of 1907. New York : Oxford University Press, 1920. 272 p.
6. Davis C. B. The United States and the Second Peace Conference. Durham : Duke University Press, 1975. 398 p.
7. Валеев Р. М. Историческая роль России в проведении Гаагских конференций мира (окончание) // История государства и права. 2009. № 13. С. 2–6.
8. Саямов Ю. М. О гаагских конференциях мира 1899 г. и 1907 г. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46.
9. Марков О. Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб. : Санкт-Петербург, 2001. 160 с.

References

1. Ledyakh I.A. Obligations to respect international humanitarian law in order to protect victims of war. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2017;(1):141–158. (In Russ.)
2. *Vtoraya konferentsiya mira 1907 g. = The Second Peace Conference of 1907*. Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1908:372. (In Russ.)
3. Taykherst R. The Martens Clause and the Law of Armed Conflict. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta = International Journal of the Red Cross*. 1997;(15):149–154. (In Russ.)
4. Kukushkina A.V., Yorysh A.I., Shishkin V.N. International Humanitarian Law and the Martens Clause. *Zakon i pravo = Law and Right*. 2019;(9):159–163. (In Russ.)
5. *The proceedings of the Hague Peace Conferences; translation of the official texts. The Conference of 1907*. New York: Oxford University Press, 1920:272.
6. Davis C.B. *The United States and the Second Peace Conference*. Durham: Duke University Press, 1975:398.
7. Valeev R.M. Russia's Historical Role in Conducting the Hague Peace Conferences (ending). *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law*. 2009;(13):2–6. (In Russ.)
8. Sayamov Yu.M. On the Hague Peace Conferences of 1899 and 1907. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and contemporary world*. 2017;(3):33–46. (In Russ.)
9. Markov O.D. *Russkaya armiya 1914–1917 gg. = Russian army of 1914–1917*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburg, 2001:160. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук, доцент
кафедры уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40);
заведующий кафедрой юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences, associate
professor of the sub-department of criminal
law, Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia);
head of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Наталья Анатольевна Павлова

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Natalia A. Pavlova

Candidate of pedagogical sciences,
head of the sub-department of foreign
languages, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 02.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.12.2024

Принята к публикации / Accepted 11.01.2025